

Глава 1

В далёкие девяностые годы обладателей видеокамер можно было пересчитать по пальцам. И мой отец очень гордился этой редкой вещицей. Он мечтал поймать на свою камеру какой-нибудь интересный момент, чтобы можно было послать в телепрограмму "Сам себе режиссёр". Жаль, что он так и не узнал, что ему удалось заснять нечто удивительное и необъяснимое. Я бы и сам не узнал, если бы не убедил мать, что пора отправить стеллаж на свалку вместе со всем его содержимым. Полдня я потратил на опустошение бесчисленного количества выдвижных и дверчатых ящичков. В одном из них я и нашёл старинную отцовскую камеру марки Panasonic. Взяв её в руки, я ощутил предвкушение тёплых воспоминаний. Хотя ещё не знал, как посмотрю записи. Камера давно была сломана, а маленькие кассеты можно было проиграть только с помощью неё. Позже я нашел на сайте объявлений похожую камеру. Старьё, а обошлось дорого. Однако я себя убеждал, что детские воспоминания дороже. Тем более что некоторые видео не были переписаны на стандартные VHS. И я собирался их посмотреть впервые.

Вечером, подключил камеру к телику и запустил одну из двух кассет. На экране появилось вполне ожидаемое семейное застолье. Как правило, отец снимал домашние праздники. В гостиной за столом сидели мама, дед, двое соседей — муж и жена, и худощавый девятилетний мальчик, в котором я не сразу узнал себя. Это был Новый год. Меня удивило качество изображения и звука: цвета едва различимые, картинка жёлтая, тёмные предметы "проваливались", внизу экрана рябили зелёные полосы, а музыка и голоса звучали, как из бочки. Любой современный смартфон снимает лучше старой отцовской камеры. Хотя, может быть, это плёнка от времени испортилась. Само зрелище было тягучее и заунывное. Отец-то снимал соседа, обрывал его на полуслове и снимал мать, которая смеялась и говорила: "Коль, отстань!", потом на экране появилась серая "красавица-ёлка" с бледными разноцветными огоньками. И всё-таки это была моя семья. Приятно было смотреть на такую стройную маму, вспомнить, как выглядел дед, слышать голос ещё живого отца. Особенно меня тронул момент, когда отец направил камеру на ребёнка-меня и сообщил, что скоро будет снимать мою свадьбу. Я закрыл лицо маленькими ладошками, а отец призвал меня быть мужчиной. Грустно было слушать отцовские пожелания и планы на будущее, ведь до следующего Нового года он не дожил. Папка был слаб сердцем.

Спустя минут двадцать это видео меня утомило, и слушал его фоном, а сам чатился с друзьями в телефоне. Я снова обратил внимание на экран, когда услышал отцовский шепот: "Мы там веселимся, а Сашка-дурак спит!". На слове "спит" голос отца сильно исказился, как у говорящей игрушки со старой батареей, а по экрану промелькнуло жирное чёрно-белое пятно. Отмотав чуть назад, я понял, что отец ушёл с камерой в другую комнату, чтобы снять спящего дядю Сашу. Это был брат отца. На экране зернила тьма. Тусклый торшер плохо освещал комнату, но так как я знал этот дом, мне было нетрудно догадаться, что тёмный прямоугольник — это спинка кровати дяди Саши, а светлая полоска у стены — это его костыль. "Мы там веселимся, а Сашка-дурак спит!", — снова услышал я. Искажённое слово "спит" звучало протяжно и жутковато. Черно-белое пятно заполонило экран и пропало. Снова возникла мрачная комната дяди Саши. "Сашка, пошли спляшем", — задорно говорил отец. Только он позволял себе подшучивать над

дядей Сашей. Остальные его жалели. Этот человек в двадцать шесть лет пострадал в автокатастрофе, едва не потерял ногу, пережил операцию на мозг и тронулся умом. Последнее он прекрасно осознавал, сам часто говорил, что у него "мозги набекрень". Дядя Саша только и делал, что лежал в своей кровати и несколько раз в день выходил на улицу покурить. Выглядел он всегда угрюмо. Не помню, чтобы дядя Саша когда-нибудь улыбался или смеялся. Я никогда не думал о нём плохо, даже когда он в гневе стучал костылём по полу и материл всех кого видел. Мне всегда казалось, что ещё немного, и дядя Саша умрёт, однако он пережил моего папку на четыре года...

"Тапки-то раскидал свои", — говорил отец искажённым голосом. Я придвинулся к экрану, чтобы разглядеть спящего дядю Сашу, но каждый раз, когда камера нацеливалась на него по экрану, мельтешили эти странные пятна. Снова отмотав назад, я стал просматривать запись покадрово. Стоп-кадр на плёнке дёргался и создавал дополнительные помехи, но когда на экране вспыхнуло первое светлое пятно, я увидел лицо... Голова старухи, заваленная на бок. Она будто выглядывала из правой части экрана. Видно её было достаточно чётко: ясно выделялись скулы и морщины под глазами. Вот только самих глаз было не видно. В том кадре глаза были смазаны, будто стёрты. Я нажал на кнопку, чтобы увидеть следующий кадр, и вот глаза появились. Будто старуха резко подняла веки. Глаза у неё были странные: радужная оболочка бесцветная или её вовсе не было, только зрачки чернели точками в белках. По спине пробежал холодок, но ничего такого я не подумал. Всё-таки плёнка — могли остаться кадры от предыдущей записи. Я пролистал ещё три кадра, и тут мне стало не по себе... Старуха медленно открыла рот. Однако выглядело это очень неестественно: челюсть криво съехала в бок и повисла. Так у живых людей рты не открываются... Дальше светлое пятно гасло, а вместе с ним и лицо старухи. На экран возвращалась комната дяди Саши. Вспомнив, что дальше есть другие вспышки, я перемотал плёнку и стал смотреть покадрово каждое мелькающее светлое пятно. Следующее изображение мне было трудно разобрать, пока я не сообразил, что оно тоже завалено на бок. Чтобы лучше разглядеть, я лёг перед телевизором так, чтобы видеть кадр нормально. На экране возникло какое-то существо, похожее на человека, только с очень длинными руками, как у обезьяны. Это существо отбросило в сторону длинный плоский предмет и пыталось выбраться из какого-то ящика. Двигалось существо судорожно и агрессивно. По крайней мере, мне так показалось. Оно моргало глазами и открывало рот. Но черты его лица разглядеть было невозможно. Потом я покадрово пролистал ещё пару таких вспышек, но там были только подвижные тёмные круги. Тогда я ещё раз посмотрел кадры со старухой. Теперь она мне казалась совсем неестественной и неживой. От этого мне стало жутко, и я решил, что лучше просмотреть кассету днём.

Глава 2

Несколько часов следующего дня я потратил на изучение вспыхивающих пятен. Я был прав — появлялись они всякий раз, когда отец пытался снять дядю Сашу. Пятна будто нарочно появлялись и заслоняли лицо спящего. Таких вспышек на записи было семь. Две из них короткие — длиной в один кадр. Ещё две длинные, но с непонятным изображением. Там были просто танцующие тёмные круги и линии. И три вспышки с картинками: лицо старухи, существо с длинными руками и ещё одно изображение, которое я не заметил прошлым вечером. В светлом пятне двигались две фигуры. Разглядеть можно только очертания. То самое существо с длинными руками, вцепилось в волосы ребёнка и таскало его, что есть силы. Ребёнок извивался и пытался вырваться. Всё это я увидел в нескольких кадрах. И от этого зрелища у меня похолодело в животе. Я сразу вспомнил, что дядя Саша постоянно повторял одну фразу в разных контекстах — "таскать за волосы". Так он мог высказывать угрозу: " Там тебя за волосы потаскают" или протест: "Нечего меня за волосы таскать", и тому подобное. Я стал думать, как эти изображения могут быть связаны с дядей Сашей, и не смог объяснить это логически. Раз за разом я пересматривал эти эпизоды, и они мне казались всё более неприятными и безумными. В мыслях рождались нереальные догадки, а воображение дорисовывало страшные детали. Мне стало казаться, что длиннорукое существо откидывает в сторону крышку от гроба и вылезает из могилы. И всё-таки я не хотел сам себя мистифицировать. Наоборот, мне хотелось узнать, как всё это попало на плёнку. Станным было то, что все изображения были завалены на бок. И у фигур не было ничего на фоне, только серая пустота. На любительскую съёмку это было не похоже. Так ничего и не поняв, я стал осторожно расспрашивать мать об отце и о дяде Саше. Про кассету ничего говорить ей не стал. Мама рассказала мне то, чего мне никогда не было известно. Оказывается дядя Саша вовсе не случайно повторял слова "таскать за волосы".

Виновата во всём была моя бабушка. Она так наказывала своих детей — дергая их за волосы. И отцу и его брату это сильно врезалось в память. Только отец это наказание вспоминал со смехом, а для дяди Саши оно стало главным страхом. Он всегда вспоминал свою мать с неохотой и не любил, когда о ней заговаривали. И во снах дядя Саша её видел. Часто жаловался: "Опять приходила, покоя не даёт". После разговора с матерью я выдвинул свою мистическую теорию: на плёнку каким-то необъяснимым образом записался кошмарный сон дяди Саши. Лицо старухи. Вылезшее из гроба существо, которым и могла быть та старуха. Существо трепавшее за волосы ребёнка, которым мог быть мой отец или сам дядя Саша. Всё это казалось мне связанным и логичным. К своей теории я притянул тот факт, что дядя Саша был ликвидатором последствий на черныбыльской АЭС. Хотя был он там недолго, особых подвигов не совершал и дозу облучения получил минимальную. Можно сказать, просто побывал в "зоне отчуждения" во время срочной службы.

Однажды я показал кассету другу и рассказал ему свою теорию. Друг надо мной только посмеялся. Мои предположения про воздействия радиации он раскритиковал в пух и прах. Сказал: "Значит, если твой мозг просветить рентгеном, то можно будет увидеть твои мысли?". Вообще-то друг не воспринял ничего всерьёз, потому что решил, что я его разыгрываю. Но после этих замечаний я как-то и сам усомнился в своих догадках. Ведь объяснить происхождение старой записи на кассете всё-таки нельзя. Вдруг записалась

какая-нибудь ерунда давным-давно, а я себе напридумывал... А может быть и правда эти мелькающие изображения — кошмарный сон. Просто знаний для объяснения такого феномена у людей пока недостаточно.

[Страница книги Жуткая запись на старой кассете в интернете](#)